

Е. Е. Приказчикова

**КУЛЬТУРНАЯ МИФОЛОГИЯ МАСОНСТВА
В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ СОЗНАНИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.:
В ПОИСКАХ ОБРАЗА «ЧУЖОГО»**

С 60-х гг. XVIII в. в русской литературе начинается общая перестройка представлений о мире, когда «геометрический, стройно организованный иерархический мир» начинает «распадаться» [Билинский, 1979, 25]. Атропоцентричность эпохи высокого Просвещения приводит к тому, что человек «в любом отдельном и конкретном случае мог оказаться естественным центром, вокруг которого призваны группироваться те или иные факты культуры» [Там же].

К этому времени русская культура перестает быть «культурой единого текста», текста сакрального и образцового, но превращается, по мнению Н. Хренова и К. Соколова, в «культуру различных грамматик» [Хренов, Соколов, 2001] в зависимости от существования множества различных субкультур. Возникает то, что Ю. Лотман характеризует как «культурное многоязычие» [Лотман, 1996, 139]. Подобный «плюрализм картин мира» не мог не превратиться в поле ожесточенной культурно-идеологической, литературной и даже политической борьбы. Эта борьба находит свое отражение в литературных текстах эпохи, приведя к появлению так называемой культурной мифологии «чужого», связанной во многом с поиском «образа врага», с которым и следовало бороться литературными методами.

Наиболее интересным явлением, связанным с формированием культурной мифологии «чужого», является культурная мифология масонства и сама традиция восприятия масонства как культурно-исторического феномена в русском дворянском обществе эпохи Просвещения. С одной стороны, нельзя не обратить внимания на то, что совлечение «ветхого Адама» и «возрождение» Богочеловека вовлекало в масонскую культуру лучших представителей русской литературной интеллигенции XVIII столетия. К масонству оказываются причастными А. Сумароков и М. Херасков, И. Богданович и В. Левшин, Н. Карамзин и А. Радищев, И. Елагин и А. Ржевский, И. Лопухин и Н. Новиков.

С другой стороны, именно масонство начиная уже с конца 70-х гг. становится объектом настойчивого преследования со стороны императрицы Екатерины II, которая видела в масонах опасных мечтателей, чьи взгляды могут сыграть на руку внешнеполитическим врагам России. Именно этим можно объяснить пристрастное расследование Екатериной степени участия в масонских ложах наследника престола Павла Петровича. С другой стороны, масоны воспринимались русским непросвещенным дворянством как чернокнижники и колдуны, само общение с которыми ставит под сомнение принадлежность человека к православному христианству. Достаточно вспомнить признание Г. Державина из его записок о том, что тетка запретила ему в 1763 г. ехать за границу с И. И. Шуваловым, так как многие считали этого человека главой масонов. Кроме того, поэт свидетельствует, что масонов в то время называли в Москве «отступниками от веры, еретиками, богохульниками, преданными Антихристу» и думали, что «они заочно за несколько тысяч верст неприятелей своих умерщвляют» [Державин, 1984, 39].

Однако прежде чем решиться на политические гонения и репрессии против масонов, кульминацией которых было дело И. Лопухина и Н. Новикова, императрица долгое время боролась с масонами литературными методами. К антимасонскому творчеству императрицы можно отнести пародии «Тайна противонелепого общества», «Общество незнающих», а также комедии «Обольщенный», «Обманщик», частично «Шаман Сибирский».

Объясняя причину вражды Екатерины к мартинистам, М. Лонгинов писал: «В мартинистах видели людей, составляющих тайное или, по крайней мере, неразгаданное общество, движимое силой, не зависимой от государства, ведущее усердно какую-то пропаганду, религиозную и филантропическую, под которой можно было, однако, предполагать политический и социальный заговор, готовящий себе орудие в популярности между нуждающимися, которым оно благодетельствовало, распространяя притом начатки какого-то нового религиозного учения» [Лонгинов, 2000, 271].

Екатерине было, безусловно, выгодно представить свою борьбу с масонством как один из вариантов борьбы с суевериями. По мнению Т. Е. Абрамзон, «практический ум Екатерины не может примириться... с мистицизмом масонов... Она считает его таким же суеверием, как веру в домовых и леших... Екатерина издевается над масонскими обрядами, чудодейственными исцелениями, производимыми авантюристом Калиостро. Екатерина не делает особого различия между бытовыми «суевериями» и масонскими мистическими представлениями. Императрица приравнивает масонов к колдунам, шаманам и китайским куклам» [Абрамзон, 1998, 18]. Хочется уточнить только следующий факт: императрица действительно приравнивала масонов к колдунам, шаманам и китайским куклам, но это происходило не потому, что она действительно не видела между ними разницы, для этого Екатерина была слишком умна, просто ей было выгодно не замечать этой разницы, так как это давало ей в руки действенное оружие для общей дискредитации мартинистов в русском дворянском обществе.

Нельзя не признать, что частично это императрице удалось. По крайней мере, в энциклопедическом словаре «Русских суеверий» М. Власовой, построенном на основе анализа фольклорного и этнографического материала XIX—XX вв., слово «фармазон» определяется в статье следующим образом: «масоны, сообщество людей, заключивших союз с нечистой силой; колдуны; нечистые духи» [Власова, 2000, 510].

Первым антимасонским произведением Екатерины, представляющим собой достаточно злую пародию на ритуал приема новых членов в масонское братство, по праву может считаться «Тайна противонелепого общества», изданная в Санкт-Петербурге в 1780 г. на французском, немецком и русском языках.

В этом произведении Екатерины наглядно представлен механизм формирования мифологии «чужого». Композиционно небольшое по объему произведение является пародией на три основных момента, связанных с обрядовой стороной масонства и сущностью его учения. Во-первых, это общая характеристика общества и описание обряда приема в него новых членов. Во-вторых, это трактовка основных масонских эмблем, связанных с сакральной символикой масонской мифологии. Наконец, это пародия на масонский катехизис, являющийся для них новым символом веры.

Для комической дискредитации масонов императрица использует разнообразные приемы, соединение которых, собственно, и создает культурную мифологию «чужого». Так, Екатерина всячески высмеивает мнимую серьезность поведения масонов в ложе, которая контрастировала со «свободным» поведением русской аристократии в обществе и при дворе. «Твердость» и «общий рассудок» неопитов намеренно снижаются авторскими комментариями: «Начальствующая ложа находится на горе истины, лежащей к северу от горы шуток. Тамо она всегда была. Ложа принятия должна быть комната, которая бы отнюдь не походила на корчму, а тем менее на лавку площадных врачей. Мушья ножки, начерченные мелом и прочие детские игрушки или шалости, навсегда из оной изгнаны» [Екатерина II, 1901, 345—346].

Последняя фраза императрицы будет непонятна, если не знать подробно всей специфики масонских обрядов. О. Соловьев свидетельствовал, что «мел, глина, уголь древесный применяются... в англосаксонском масонстве в церемониях первой степени ученика, символизируя будущие качества адептов: дух свободы, пылкость и усердие в ходе первых шагов на новом поприще» [Соловьев, 2001, 271].

Для придания достоверности своей пародии, императрица достаточно подробно описывает обрядовую сторону масонства, касающуюся приема неопитов в ложу: принимаемый стучится у дверей, его спрашивают о целях прибытия. Однако дальнейшее испытание будущего брата ясно показывает, какое мнение хотела внушить императрица русскому обществу о «противонелепом» масонстве с его «нелепыми» обрядами, заставляющими неопита во время посвящения идти с завязанными глазами, обнаженной левой грудью, боком и правым коленом (места, в которые вонзились кинжалы убийц «архитектора» Хирама). Екатерина назидательно замечает по этому поводу: «почитается не учтиво и не благопристойно в честной беседе быть обнаженным» [Екатерина II, 1901, 346].

Основное испытание неофита у Екатерины заключается в высказывании им своего отношения к тетрадам, вынимаемым из корзины. Подбор этих тетрадей показывает, что императрица не видела (или же скорее всего делала вид, что не видела) разницы между мистической литературой ордена и русским народным фольклором и мифологией, почитаемой ею, как и большинством образованных русских людей того времени, а также суеверием. Так, неофит достает из корзины тетради с надписями «Орвиетан» (искаженное от «Ориент» — Восток, символ света и истины в масонстве) и тут же — «Сказку о кикиморах, о бабе его, в которой нет ни капли общего рассудка, и коими над людьми издеваются». Далее в корзине лежит «Шарлатанство, двадцать раз об одном повторяемое, которое более ни к чему иному не служит, как только к ежедневному умножению числа в обман вдающихся». Наконец, завершается все тетрадкой под названием «Злоупотребления уверений и обещаний».

Примечательно, что обо всех этих тетрадях неофит высказывается вполне определенно: «такая нелепость, которую должно бросить», «кажется скучно, ежели еще не хуже», «ето скаречно». Очевидно, что во всех этих случаях выражается мнение самого автора, т. е. императрицы, которая не останавливается перед прямым обвинением масонов в шарлатанстве и обмане доверчивых людей, что, кстати, будет повторяться и в других ее произведениях.

В поздравительной речи, произнесенной начальником ложи в честь новопривышнего, рассказывается об основном времяпрепровождении масонов, которое заключается в дружеских ужинах, на которые братья совместно жертвуют деньги. «Если у нас остаются деньги, мы помогаем ими бедным людям, которые с нами в одной земле живут» [Екатерина II, 1901, 347].

Итак, с одной стороны, императрица демонстрирует осведомленность в существовании масонских братских ужинов в столовой ложе-агапе. С другой, она превращает их в основной смысл масонской деятельности, не забыв при этом иронически отозваться о масонской благотворительности, которая оказывается жалкими остатками с пиршественных столов братьев.

Что касается второй части работы — изъяснения эмблем, то тут императрица допускает гораздо больше грубых выпадов в адрес масонов, которые не могут скрыть даже используемые ею приемы комической пародии. Так, она помещает среди эмблем противонелепого общества розгу — «орудие, коим исправляют детей», которое напоминает новопринятому, что «те, кои, не следуя по стезям здравого рассудка, совращаются с пути прямого разума, подобны детям» [Там же, 348]. Трудно было более определенно обвинить масонов в ребячестве, что в контексте культурного сознания XVIII в. было равносильно глупости и неразвитости. Вторая эмблема — намек на масонское шарлатанство, при помощи которого они увлекают в свои сети доверчивых. Эмблема изображает «род широкой и длинной простыни для качания, на середине которой написано № 1 изречение: Non Plus Ultra»; «Сие навопринятым напоминает, что тот, который дозволяет себя телесным или душевным образом качать, подает худое мнение о своем благоразумии» [Там же, 349]. Наконец, третья эмблема прямо отражает отношение императрицы к уче-

нию масонов и изображает рот зевающий: «Сие значит, что та же сказка, а, особливо, если она нелепа, скучна и без вкуса, конечно, произведет зевоту» [Екатерина II, 1901, 350].

Что касается катехизиса, то его вопросно-ответная структура давала Екатерине еще больше возможностей для дискредитации ненавистных мартинистов, так как позволяла ввести в текст пародии элементы саморазоблачения. Так, завязывание глаз принимаемому в ложу брату ассоциируется у императрицы с детской игрой в жмурки.

В о п р о с : Одни ли малые дети в сию игру играют?

О т в е т : Малые и также большие... [Там же, 350]

В о п р о с : Кто таковы те большие дети, о коих вы сказали?

О т в е т : Те, кои беспрестанно обманывая других многократно, сами в обман вдаются...

В о п р о с : Что такое есть, которое в просторечии называется обезьянством?

О т в е т : Необычные и странные телодвижения.

[Там же, 352]

Здесь в концентрированном виде повторяются те обвинения, которые императрица обычно высказывала в адрес мартинистов, творя свой культурный миф о «чужом», вернее, о «чужих». Масоны — шарлатаны и суеверы, однако одновременно они неразумные малые дети, играющие в жмурки и занимающиеся «обезьянством», т. е. «необычными и странными телодвижениями».

Кстати, говоря о «странных телодвижениях» масонов, Екатерина имела в виду совершенно конкретное обстоятельство обрядовой стороны масонства. Походка братьев имела символическое значение и относилась к числу «опознавательных признаков масонов» [Соловьев, 2001, 291]. В этом отношении походка ученика отличалась от походки подмастерья, а походка подмастерья — от походки мастера, который обязательно делал «два или три шага вперед, будто бы переступая через гроб убитого архитектора Хирама» [Там же].

Для поэтики и общего замысла этого произведения Екатерины важным представляется следующий аспект. Императрица в полной мере использует такую черту русской сатиры XVIII в., как обличение от противного. На протяжении всего произведения неофит по сути дела разоблачает мнимые «тайны» масонов: бросает в камин их книги, отказывается хранить масонскую тайну, что не мешает его принятию в ложу. Тем самым императрица намекала на вымышленный характер всего эзотерического учения масонов, а значит, полностью отрицала и феномен существования того внутреннего человека, о котором так много говорили масоны.

Малоизвестным произведением Екатерины, написанным совместно со своим ближайшим окружением, в том числе и с бывшими масонами, отлично знающими содержание тайных масонских протоколов, было «Общество незнающих», ежедневные записки которого были впервые напечатаны в «Собеседнике» (1783, ч. VIII).

Это произведение является пародией на протоколы масонских заседаний, которые свидетельствует об общей глупости и неразумности масонских сообществ.

Текст этого остроумного и комического произведения даже графически напоминает подлинные масонские протоколы.

Заседание первое, октября 12 числа 1783 года по утру в пятом часу.

Заседающие были все.

NB. Исключая тех, кои не приехали.

О чем доложено.

NB. Оставлено на тот час без решения, замечено сим словом № 1 — мимо.

Примечание

Не знали, с которого конца начать.

Для выигрывания времени, положено:

Большими словами на стене написать:

Ignoranti Bambinelli

На том соглашенность впредь заседание открыть пением арии той

[Екатерина II, 1901, 193]

Для дискредитации масонов Екатерина обвиняет их в безделии («после обеда много думано, вечер миновался молчанием, сделано... ничего» [Там же, 194]) — и глупости. В «Обществе незнающих», как и в английском парламенте, есть две палаты — Палата с Чутьем и Палата без Чутья, между которыми происходят ученые дискуссии, утверждающие, например, что «писать аки с конца пера», дается объяснение выражению «верхнее чутье» и т. д. Общество публикует запрещение, «чтоб отнюдь и ни под каким видом по воздуху не летать с крыльями или без крыльев» [Там же, 195].

Большое место в работе палат отводится объяснению масонской лексики (например, выражению «лучи мысленного света»).

В собрании сочинений Екатерины вслед за основным текстом «Общества незнающих» есть продолжение «Общества незнающих», обращение Каноника к членам общества, тексты дипломов, сочиненные императрицей на французском языке для членов общества, наконец, рукопись, писанная Л. А. Нарышкиным и заключающая в себе черновые протоколы общества. Именно наличие этой последней рукописи заставляет предположить, что у Екатерины были талантливые помощники вроде известного остролова и мастера розыгрышей Л. Нарышкина.

Комические приемы, используемые для дискредитации масонов, в целом можно свести к следующему.

Во-первых, «игра» на несоответствие высокопарного стиля протоколов их ничтожному содержанию («вечер... миновался молчанием», «сделано... ничего»; о способах будить заснувших на собрании членов и т. д.).

Во-вторых, предлагается «прозаический» разбор темного «масонского стиля» протоколов. Например, в тексте произведения упоминаются лучи мысленного света, «разливающиеся из общего средоточия и озаряющие с большей нежели когда-нибудь, силою обширные Российские пределы... сильным преломнением в умах Россиян возбуждают стремительное рвение в нравственном просвещении». Правда, надо признаться, что в большинстве случаев разбор, предложенный Екатери-

ной, откровенно плоский и неостроумный («лучи озаряющие» — намек на дождливое лето, так как озаряют молнии; преломление в умах — но «ум не орехи» и т. д.!).

В-третьих, в произведении все время присутствуют намеки на шарлатанство масонов, их мнимую ученость, что в полной мере будет разработано Екатериной в ее комедиях (ср.: запрещение летать по воздуху с крыльями, изобретение шаров для перевозки по воздуху членов общества через Неву, по которой идет лед).

В-четвертых, дается пародирование высокоумных рассуждений масонов, которые строятся по принципу: чем непонятней, тем возвышенней. Так, при приеме членов запрещается употреблять меру и вес, «понеже тут нейдет о длине, широте, тягости, легкости, жидкости или густоте» [Екатерина II, 1901, 199].

Итак, если учесть то обстоятельство, что в создании этого произведения принимал участие камергер Нарышкин, известный своим шутовством, то становится очевидно, что это была настоящая придворная антимасонская кампания, во главе которой стояла и которую направляла императрица. Можно сказать, что Екатерина посредством смеха расправлялась с неугодными ей людьми, имеющими несчастье попасть в разряд «чужих».

В 1786 г. Екатерина выступила с тремя комедиями, которые игрались в Эрмитажном театре с 4 января (день постановки «Обманщика») по 24 сентября (постановка «Шамана Сибирского»). К этим своим произведениям императрица относилась очень серьезно. М. Лонгинов писал: «Императрица очень дорожила этими тремя пьесами своими и щедро награждала кабинетного переводчика Арндта, который переводил их на немецкий язык. Переводы эти печатались, и государыня дарила и даже рассылала экземпляры их знакомым ей иностранцам» [Новиков, 2000, 280].

Специфика комедий заключается в том, что формально они были направлены против различных «зол» российской действительности. Однако фактически все они несли ярко выраженный антимасонский заряд. Так, в «Обманщике» под именем Калифалкферстона, безусловно, выведен граф Калиостро, посетивший Россию в 1780 г. Калифалкферстон, весьма сведущий в алхимии и притворяющийся искусным лекарем, стремится завладеть богатствами наивных русских дворян, которым говорит: «Я малые алмазы переделываю большими иногда для своей забавы. Например, безделушка, которая у тебя на руке, перстень, буде мне отдашь, я тебе его возвращу величиною в один камень, втрое противу того, как он теперь, лишь прибавь на сто червонных чистого золота» [Екатерина, 1990, 273].

При помощи обмана и шарлатанства Калифалкферстон выманивает у богатого дворянина Самблина 4 тыс. червонных и «варит» их в большом котле, а также забирает у него складень его жены, только три дня назад выкупленный из заклада.

Получив в руки драгоценности, Калифалкферстон пытается бежать, но его задерживают при помощи полицейского пристава, обнаружив «у него в карманах не токмо складень ваш, но еще множество драгоценных вещей» [Там же, 297].

Однако главным объектом осмеяния в комедии является все же не исторический граф Калиостро. Устами разоблачающих деятельность шарлатана слуг Екате-

рина по сути называет главных обвиняемых — «чужих». Так, еще в сцене первой первого действия служанка Марья говорит о мартышках, с которыми знается барин. Мартышки — прозвище мартинистов в народе (ср. у Державина: «мартышки в обществе явились»).

Кроме того, Калифалкферстон, как настоящий масон, излагает окружающим профанам масонскую символику цвета, заявляя, что жених дочери Самблина должен состоять из... семи коренных цветов, где «чистосердечие его вам явится цветом белым» [Екатерина, 1990, 287], постоянство — голубым, «привязанность его, или цвет красной, желание его оказывать продолжение услуг — есть цвет зеленой» и т. д. [Там же].

Дворянин Додин в качестве резонера берет на себя труд разоблачить это новомодное шарлатанство. Он говорит: «Вообще слыхал я, что шарлатанство есть поронок того, кто сам себе или вещам приписывает качества такие, коих в самом деле не имеют; оно составлено из обмана и лицемерства» [Там же, 292].

Итак, Екатерина хотела написать комедию против авантюристов типа графа Калиостро, написала же она антимартинистскую комедию, доказывая читателям и зрителям, что мартинизм и алхимическое шарлатанство, мартинизм и авантюризм — практически одно и то же.

При этом не надо забывать, что московские мартинисты-розенкрейцеры действительно интересовались алхимией: их занимал вопрос получения философского камня, однако, разумеется, не для обогащения, а для получения истинной мудрости. Так, у М. Хераскова во «Владимире Возрожденном» описание «духовного пира», который устраивают для Владимира Законест и Версона, приглашая вкусить вместе с ними хлеб, дарованный с небес, включает в себя, между прочим, и чисто масонское рассуждение о тайнах металлов, и о кристальной воде, составляющей у масонов, как известно, основы для получения философского камня. При этом Херасков дает чисто розенкрейцеровское обоснование высокой мистерии камней:

Все вещи видимы душевных для очей
Во первозданности существенно своей,
Камнями созданы они в духовном мире
Невидимых небес в сияющей порфире:
Нетленны, светлый вид имущи живота,
Неувядаема была их красота.

[Херасков, 1809, 93—94]

Екатерина трактует эту высокую мистирию камней в чисто прагматическом, низменном духе — как стремление к преступному обогащению за счет ближних.

Наиболее антимасонской из трех комедий Екатерины является, бесспорно, комедия «Обольщенный», направленная конкретно против московских масонов 80-х гг., к которым принадлежали Н. Новиков, И. Лопухин, князь Трубецкой.

Екатерину, безусловно, раздражала филантропическая деятельность московских мартинистов, их частная благотворительность, в которой императрица видела

честолюбивое (и опасное!) желание снискать расположение народа помимо официальной государственной власти. Поэтому Екатерине было выгодно представить подобную деятельную филантропию масонов как корыстолюбивое предприятие: «Они в намерении имеют потаенно заводить благотворительные разные заведения, как то школы, больницы и тому подобное, и для того стараются привлекать к себе людей богатых» [Екатерина, 1990, 279]. Положительный герой комедии дворянин Бритягин, выражающий официальную точку зрения правительства, говорит: «Дела такого рода на что производить сокровенно, когда благим узаконованием открыты возможные у нас к таким установлениям удобства?» [Там же, 328]. В поведении масонов он видит проявление «своевольного хотения», противопоставленного «издревле принятым и славным законодательствам, утвержденным для общей и частной пользы» [Там же].

В «Обольщенном» большое внимание уделяется разоблачению мнимых высоких нравственных качеств «внутреннего человека», истинного масона. В качестве «обольщенного» в комедии выступает дворянин Радотов, чье общение с мартинистами явно сказалось на его образе мыслей. Так, уже в первой фразе комедии жена Радотова говорит Бритягину, своему брату: «Опасение, братец, я имею, что муж мой сошел с ума!» Симптомами этого сумасшествия является то, что с некоторых пор Радотов «боли всякой... рад, как собственной своей, так и людей посторонних» [Там же, 301]. Он не печалится, когда у него пропадают часы и табакерка, с улыбкой примолвив: «Хорошо, кому ни есть годится» [Там же]. Наконец, он «уклоняется от того, что нам кажется хорошо, весело, приятно; равномерно и от людей и дел», «Углубясь в мыслях, сидит на стуле; перед ним на столе лежит раскрытая книга. Читает ли он или нет, того не знаю, но когда я вхожу, он меня не слышит и не видит, и нахожу его обыкновенно глаза утупя на одном месте, недвижим, точно аки написан на картине» [Там же].

В этом описании «болезни» или «сумасшествия» Радотова явственно проявляется комическое переосмысление масонской этики, заставляющей человека стойко переносить испытания, посылаемые на него и на близких ему людей, во имя будущего «возрождения»; заниматься серьезным чтением, во имя масонского человеколюбия радоваться за вора, ограбившего тебя. Можно вспомнить в связи с этим анекдот о писателе-масоне И. Богдановиче и о его неблагодарном слуге Павле, переданный М. Погодиным. Узнав, что его слуга, служащий ему с самых юных лет, хочет обокрасть своего господина, похитив 1600 рублей, которые тому удалось накопить во время службы в московском архиве, Богданович предлагает Павлу следующее. Он пишет ему вольную и дает половину денег, пеняя слуге только на то, что тот сразу у него этих денег не попросил. Разумеется, пристыженный и растроганный слуга, отказался и от денег, и от вольной, выразив желание служить Богдановичу всю свою оставшуюся жизнь.

М. Погодин трактует это как «драгоценную черту добродушия в знаменитом нашем авторе “Душеньки”» [Погодин, 1853, 30]. Однако дело тут не просто в добродушии, но в сознательной масонской филантропической утопии, чего не понимала и не хотела понимать Екатерина.

Такое «обращение» произошло с Радотовым с тех пор, как во время отпуска он встретился с масонами. Примечательно их описание, данное женой Радотова: «На дороге, что ли, встретился с каким-то человеком, которого он привез сюда; с ним он, запершись, сидит долго, и приводят к нему несколько людей, коих имена и состояние мало кому известны. Одеты они дурно, говорят языком невразумительным, лицами бледны, от голода то ли, не ведаю; но когда с ними обедают, тогда для них вдвойне пить и есть изготовить надлежит» [Екатерина, 1990, 301—302].

Это описание очень интересно с точки зрения постижения культурной мифологии «чужого». В соответствии с законом мифологического мышления внешний вид человека или вещи является отражением их внутренней сущности. Таким образом, сама «внешняя» инаковость поведения и наружности масонов должна была насторожить читателей относительно их внутренней сущности, разоблачение которой происходит в дальнейшем.

Странное поведение Радотова дополняется странностью его масонской лексики, высокий штиль которой непонятен членам его семьи. В этом случае масонская субкультура начинает противопоставляться культуре средних русских дворян, не искушенных в тонкостях духовного бытия «внутреннего человека». Когда Радотов заявляет, что он «облачился латами», намек на выступление в путь в поисках истинной Добродетели, то ему возражают: «Ничего не бывало, ты в одном кафтане».

Однако основное зло масонства, конечно, не в том, что масоны дурно одеваются и странно изъясняются. Прежде всего это мошенники, которые охотятся за богатством Радотова. Радотов обещает двум ревностным масонам, вхожим в его дом, Бебину и Бармотину, руки своих дочери Таисы и племянницы Софии, а также дает им в приданое векселя, которые «за моим ключом хранятся в ларце, красною кожею обитом» [Там же, 326]. Надо ли говорить, что ближе к концу пьесы (сцене восьмой пятого действия) не только векселя, но и чужие деньги, лежащие в этом ларце, оказываются похищенными предприимчивыми масонами. Только благодаря стараниям честных героев комедии — Вокитова и Грибина, а также усердию градоначальника деньги и векселя возвращаются их законному владельцу, а Бебин и Бармотин оказываются задержанными. В награду за свой подвиг в конце комедии Вокитов и Грибин получают руки и сердца бывших «масонских невест» Таисы и Софии.

Чтобы окончательно дискредитировать масонскую идею в глазах ее почитателей, Екатерина опять поручает высмеивать ее слугам своих разумных господ. В финале комедии к двум свадьбам господ подсоединяется свадьба слуг — Прасковьи (служанки Радотова) и Тефа (слуги Брагина). Однако прежде свадьбы Прасковья просит с Тефа подписку, что он не пойдет «в мартышки с печальным видом» [Там же, 338].

Интересно, что многие из греховных проступков «братьев» вполне укладываются в те «смертные грехи», в которых в русской литературе традиционно обвинялись обличаемые «чужие», «враги». Например, в грехе чревоугодия. Так, в «Обольщенном» масон Дадякин говорит: «Я... Я... давече прельстился (*плачет*) за столом» [Там же, 325]. «Посреди стола я увидел... жареного поросенка»

[Екатерина, 1990, 326]. Для сравнения можно вспомнить образы жрецов Жеривола, Курояда в трагикомедии «Владимир» Ф. Прокоповича.

Не забыта в комедии и тема масонской алхимии, когда оказывается, что в доме Радотова масоны «посредством огня производят будто сокровища бесценные» [Там же, 328].

В финале «Обошщенного» Екатерина не забывает похвалить свое кроткое, даже по отношению к масонам, правление. Бритягин в заключительных строках комедии говорит: «Надзирание, бесспорно, в руках начальства. Благодарить мы должны Провидение, что живем в такое время, где кроткие способы избираются к управлению» [Там же, 338].

Последняя комедия Екатерины («Шаман Сибирский») несет на себе отпечаток знакомства императрицы с сибирскими шаманскими обрядами, что произошло, возможно, во время ее работы над «Антидотом», заставившей ее заняться изучением культуры сибирских народов. Тем не менее и «сибирский суевер» Екатерины Амбан-Лай, родившийся в Китае, вскормленный тунгусским двоеданцем и отданный учиться к мунгальским шаманам, очень напоминает своим поведением московских масонов.

Так, «сто сорок степенный» Амбан-Лай часто пускается в рассуждения, которые очень напоминают соответствующие рассуждения масонов: «Свойства наши замыкаются в восторге, в течении, в пропитании, в движении, в теплоте, в горьком корени; любовь и гнев имеют одно основание, как соль, действие, нефть и густота» [Там же, 352]. В другом месте шаман вещает: «Во всяком теле суть привлекательны две силы: одна для стихии, а другая для телес; излечение болезни зависит от изгнания или умножения той или другой»; «Руки и ноги имеют отношения и союз ... со произращениями, со животными, с размером и с окружностью» [Там же, 358].

Надо ли говорить, что все «разумные» герои комедии относятся к подобным «дурачествам» более чем скептически. Так, слова Бобина, что шаман «прошел сто сорок степеней; на каждую они имеют правила, чтобы исподволь дойти до восхитительных» [Там же, 350], вызывает насмешливую реакцию окружающих:

К р о м о в . Он же слывет и мудрецом... и колдуном...

К а р п Д р о б и н . Деляя ребячества...

Б р а г и н . Похожие на дурачества [Там же].

В любовной интриге комедии шаман оказывается на стороне влюбленного Ивана Пернатова, соглашаясь передать его письмо к Прелесте. Однако в финале комедии это обстоятельство не спасает шамана от наказания. Его взяли под караул за то, что «он у какой-то купеческой вдовы выманил денег и обещал ей показать мужа наяву, и для того приводил к ней, два дни сряду, каких-то нарочно наряженных бородачей, коих она, испугавшись, приняла за мертвого сожителя; а севодни тот обман открылся» [Там же, 375].

Итак, можно сказать, что в соответствии со спецификой культурной мифологии «чужого» в комедиях Екатерины происходит отождествление авантюриста гра-

фа Калиостро, шамана сибирского Амбан-Лайя и московских масонов-мартинистов. Все они — обманщики, обольстители, противники разума. Кроме того, их деяния попадают под юрисдикцию уголовных законов. В финале комедии все они оказываются под караулом. Тем самым Екатерина готовила общественное мнение к будущему разгрому московских мартинистов и делала это достаточно успешно.

Масон И. Лопухин писал по этому поводу в своих записках: «...В конце 1784 года открылись давно уже продолжавшиеся негодования и подозрения двора против нашего общества... Коварство, клевета, злоба, невежество и болтовство самое публики питали их и подкрепляли. Одни представляли нас совершенными святошами, другие уверяли, что у нас в системе заводить вольность; а это делалось около времени Французской революции. Третьи, что мы привлекаем к себе народ; и в таком намерении щедро раздаем милостину. Иные рассказывали, что мы беседуем с духами, не веря притом существованию духов, и разные разглашали нелепости, которым столько ж не благоразумно верить, сколько не похвально распускать их» [Лопухин, 1990а, 26].

Совершенно очевидно, что под «иными» Лопухин имел в виду и Екатерину, которая, создавая свою мифологию масонов-мартинистов как «чужих», изображала их и вольнодумцами, и духовидцами, и шарлатанами, привлекающими к себе народ мнимой благотворительностью.

Одновременно императрица хотела представить в своих комедиях образец положительного героя своего времени (Додин в «Обманщике»; Вокитов, Грибин в «Обольщенном»), для которого характерен здравый рассудок, добронравие, приверженность законам и нелюбовь ко всякого рода тайнам и мистическим учениям.

Антимасонское творчество Екатерины не могло не вызвать ответной реакции со стороны масонов, которые вынуждены были оправдываться за обвинения, которые на них возводили. Одновременно масоны творили свой образ «чужого», который ассоциировался у них с вольтерьянцами, невеждами, жестокосердными вельможами, равнодушными к делам человечества.

При этом создание этого образа, в соответствии со спецификой масонского стиля (термин П. Сакулина) литературы, осуществлялось отнюдь не комическими средствами. Чаще всего оно происходило с опорой на барочную поэтику антитезы света и тьмы, восходящую своими корнями к мифологической логике бинарных оппозиций, к космической антитезе Свет — Мрак.

Так, в «Оде, ищущим мудрости» В. Майкова, братья масоны, «чада утреннего света», «дети вдовы», противопоставляются их врагам, адептам Злобы, противящимся истинному просвещению. Враги братьев характеризуются как «злоречивы зоилы», которые на них «сплетают лжу» [цит. по: Масонство и русская культура, 1996, 427]. Майков видит в них «грубых сонм невежд». Они «ходят в темной сей ночи, В которой низки души дремлют». «Таин не поняв священных», они проводят свое время в «беседах развращенных», «их мысли полны вечной мглы» [Майков, 1996, 427].

Развернутую поэтическую характеристику «чужого» с точки зрения масонской этики предлагает в своей поэме «Владимир Возрожденный» М. Херасков.

В этом произведении помимо духовного путешествия князя Владимира, приведшего к гибели «ветхого человека» ради торжества Богочеловека, присутствует рассказ и о ложном, греховном путешествии в поисках нового «золотого руна». В это путешествие в царство Суесвятства отправляется полководец Владимира Рогдай, мечтающий о власти над миром и личной славе. При этом Рогдай у Хераскова далеко не заурядный злодей. Он мужественен, горд, по-своему любит Россию и страдает, видя ее унижение от греков-византийцев. Рогдай искренне надеется, что в результате его путешествия «Россия задрожит, но мы ее прославим» [Херасков, 1809, 164].

Из судьбы Рогдая становится очевидно, какой путь человеческого бытия русские масоны считали ложным. Для них это был путь личной славы, государственных завоеваний и побед. Именно поэтому русские масоны неизменно оставались равнодушными к «грому побед» эпохи Екатерины Великой или грандиозной наполеоновской эпопеи. Зато их внимание привлекали «мистические» и мечтательные императоры: Павел I и Александр I.

Получив от богини Суесвятства рог из слоновой кости, рог власти, Рогдай отправляется к Херсонесу, чтобы получить власть над миром для России, однако впоследствии окажется, что он мечтает о власти только для самого себя.

Нам кажется, что, описывая этот ложный путь Рогдая в третьем издании своей поэмы (1809), Херасков размышлял о горестных итогах екатерининского правления, о чем так жестко и определенно сказал М. Щербатов в своем трактате «О развращении нравов в России». Императрица — гонительница истинных христиан-масонов, так же как и Рогдай, мечтала лишь о суетной внешней славе и завоеваниях, особенно во второй период своего царствования.

С точки зрения масонов, такой путь ложного христианина, вернее, антихристианина напрямую ведет его к врагу Божию. По мнению, высказанному И. Лопухиным в трактате «О внутренней церкви», люди подобного рода, побуждаемые «корыстолюбием собственности», будут употреблять святое имя Бога только «для вспомоществования самодействию своему», мечтая вместо духовного возрождения на всех своих делах запечатлеть «образом собственности» [Лопухин, 1990б, 283].

Именно поэтому гибель Рогдая в финале поэмы Хераскова выглядит закономерной и заслуженной, в то время как Владимир достигает Истинного храма и возрождается через Святое крещение, знаменующее гибель «ветхого человека».

Необыкновенно интересным в плане отражения масонского жизнестроительства и пафоса борьбы с «чужими» является творчество И. В. Лопухина, которого К. Пиксанов справедливо назвал «теоретиком и публицистом русского масонства» [Пиксанов, 1914, 254].

Кроме его знаменитых «Записок», перу И. Лопухина принадлежат два масонских трактата — «Духовный рыцарь, или Ищущий Премудрости» (1791) и «Некоторые черты о внутренней церкви» (1798). В этих произведениях не только представлен опыт воспитания «внутреннего человека», который должен морально переродиться для того, чтобы достичь истинной Премудрости, но и дана характери-

стика «внутренней церкви», помогающей человеку не заблудиться среди мирских искушений и воспитывающей в нем черты истинного франкмасона.

Кроме того, еще в 1788 г. И. Лопухин создает «Нравоучительный катехизис истинных франкмасонов», который выдает за перевод с французского языка.

Н. Кочеткова полагала, что поводом к созданию этого произведения были споры автора «Катехизиса» с Платоном Левшиным (архиепископом Платоном) о масонстве, которые «подали Лопухину мысль сочинить «Нравоучительный катехизис истинных франкмасонов», в котором он стремился обосновать тождественность масонства и христианства» [Кочеткова, 1999, 230]. Можно предположить, что, создавая катехизис истинных масонов, Лопухин тем самым вступал в полемику с императрицей, создававшей «шутовские катехизисы» масонов, дискредитируя их в глазах русского общества.

Так или иначе, представляя собой идейно-нравственную основу масонского творчества И. Лопухина, «Катехизис» впоследствии включался автором в состав всех его масонских трактатов, прежде всего «Духовного рыцаря» и «Некоторых черт о внутренней церкви», а также в состав его записок.

Записки И. Лопухина занимают исключительное место в русской масонской литературе XVIII в. С одной стороны, в них представлена история духовной жизни «внутреннего человека», прошедшего через искушения вольтерьянства и нашедшего для себя путь к Премудрости. Не случайно он предваряет свои записки эпиграфом из Библии (Псалтирь): «Человек яко трава, дни его яко цвет сельный» [Пс. 102, 15]. В масонской культуре термин «трава» обычно соотносился с греческим термином «неофит» (новая трава, новая поросль), что означало появление «новой души», прошедшей через мистическое очищение. С другой стороны, записки представляют собой обширный оправдательный текст, написанный от лица одного из виднейших деятелей московского мартинизма, в котором не только опровергаются обвинения, выдвигаемые в адрес масонов, но и оказывается представленной их «духовная брань» с «чужими».

Именно этими установками можно объяснить тот факт, что Лопухин писал свои «Записки» в 1808—1809 гг. в расчете на гласность, рассылая их экземпляры не только друзьям и единомышленникам, но и в библиотеку Московского архива Министерства иностранных дел — установка, совсем не характерная для мемуарных текстов XVIII—начала XIX в.

Желая рассказать в записках историю «просветления» (возрождения) человеческой души, Лопухин не скрывает того обстоятельства, что этот путь был для автора достаточно труден. Так, в ранней юности И. Лопухин был необыкновенно прельщен военной службой, так что только тяжелая болезнь помешала ему всецело посвятить себя карьере «служителя Беллоны». Впоследствии он пережил страстное увлечение Вольтером и, по его собственным словам, «охотно читывал Вольтеровы насмешки над религиею» [Лопухин, 1990а, 19—20].

В 1782 г. Лопухин стал членом общества розенкрейцеров, «мастером стула» ложи «Латона», получив символическое имя Филус, т. е. любящий. В 1783 г. он организовал свою типографию, которая вместе с Университетской типографией

Н. Новикова стала основным пропагандистом масонской литературы в России. К примеру, именно в типографии Лопухина печатался известный масонский журнал «Магазин свободнокаменщический» (1784). 31 мая 1784 г. под управлением Лопухина открылась масонская ложа Блистающей Звезды.

Тем не менее Лопухин не приводит в «Записках» этого внешнего послужного списка своей масонской карьеры, так как считает, что в это время он еще не стал настоящим «внутренним человеком». Пробуждение же этого «внутреннего человека» И. Лопухин связывал с 1789 г., когда произошла символическая сцена физического и духовного «выздоровления» автора.

Но, оправляясь от изнурительной лихорадки, продолжавшейся несколько недель, которую называли «верная предвестница чахотки» [Лопухин, 1990а, 40], мемуарист на Страстной неделе, в день причастия, жестоко оскорбляет своего верного камердинера, который не подал ему вовремя умыться. Лопухин пишет: «...брань моя была такими язвительными словами, что побои легче бы ему конечно были. Он дрожал, бледнел — синие пятна показывались на лице его. Увидев это, почувствовал я вдруг всю мерзость своего поступка: и, залившись слезами, бросился в ноги к моему камердинеру. Можно себе представить, какая это была сцена. Тут мне сказали, что священник пришел с дарами. Я пошел в слезах же и, рыдая причащаться, — и — причастился подлинно» [Там же, 41].

Знаменателен финал этой сцены: «Проводя священника, лег я отдохнуть. Уснул с час и, проснувшись, почувствовал в теле моем такую теплоту здоровья, какой медики уже для меня в натуре не предполагали. Словом: я проснулся здоров» [Там же].

Это и было второе — настоящее — рождение Лопухина для духовной жизни «внутреннего человека». Возродившись для духовной жизни, мемуарист не мог не посвятить свои силы борьбе со злом во всех его проявлениях, олицетворением которого в «Записках» и становятся «чужие», враги масонства и истинной человечности.

Композиционно «Записки» Лопухина построены таким образом, что в каждой из 8 книг обязательно присутствует «духовная» брань, во время которой автор отстаивает дорогие для его сердца истины, вступая в конфликт с сильными мира сего.

Так, во второй книге описывается конфликт Лопухина и графа Я. Брюса, московского главнокомандующего, бывшего в прошлом масона, теперь ставшего для мартинистов «чужим». В частной беседе с Лопухиным он признается, что «сам бывал в подобном (обществе. — Е. П.), и, зная всю святость его цели и упражнений, понесет он в сердце своем уважение к ним [масонам] и в гроб (сии были точные его слова)» [Там же, 25]. Однако Брюс уверен, что «в некоторых чинах и летах уже непристойно сим заниматься» [Там же].

Таким образом, перед нами возникает конфликт между внешним (чисто обрядовым) и внутренним масонством розенкрейцерского толка. Для Брюса масонство — модная игрушка, увлеченит молодости, для Лопухина — «камень веры», нравственная основа жизни человека. Брюс настоятельно требует от Лопухина, чтобы он оставил общество, так как его занятия в нем неприятны государыне.

Масон-просветитель Лопухин утверждает, что государыня введена относительно общества в заблуждение, так как «оно ей непрямо известно; так стоит только ей объяснить; а о делах добрых не только полезно — да и долг верного подданного объяснять государям правду» [Лопухин, 1990а].

Возможность почти личного объяснения с императрицей предоставляется мемуаристу в книге третьей, где рассказывается о преследовании московских мартинистов именем Екатерины, которое осуществляется лично новым главнокомандующим Москвы князем Прозоровским, которого Лопухин называет «любителем и любимцем жестокосердной Беллоны» [Там же, 58]. В отличие от достаточно просвещенного Брюса, Прозоровский невежественен, глуп, зол, подозрителен. Лопухин даже отказывается писать портрет этого своего оппонента, «чтоб не дать какому-нибудь пищи своему пристрастию» [Там же, 43].

Отвечая на вопросные листы, предложенные ему от имени императрицы, Лопухин, по его словам, «на все отвечал... со всею искренностью и очень подробно. Нигде по совести не обвинил я ни себя, ни общество. Везде изъяснял пользу цели его и упражнений» [Там же, 57].

Тем не менее Лопухина спасли не искренние ответы на вопросные листы, но личное письмо к императрице, в котором он в самых трогательных выражениях изъяснял свою невиновность. По собственному признанию мемуариста, «писав его, я подлинно плакал — обливался, можно сказать, слезами — и точно от причин в нем изображенных» [Там же, 58].

Письмо Лопухин начал так: «Государыня! Я не злодей! Я один из вернейших твоих подданных и сынов его. Мать моя! Я исполнен нежнейшею к тебе любовью. Никогда мысль одна против тебя не обращалась в душе моей» [Лопухин, 1990а, 57]. Завершил же свое письмо мемуарист такими словами: «И так, не слезами страха и ропота печатлею его; но слезами чувствительного сердца, во всей полноте ощущающего невинность свою — и любящего — смею сказать — добродетель» [Там же, 58].

Письмо возымело свое действие, заставив императрицу посмотреть на Лопухина не как на одного из «чужих», но как на чувствительного человека, которого М. Херасков характеризовал следующим образом: «сын нежный, верный друг, честнейший человек». Мемуарист пишет: «Государыню тронули ответы мои до слез, как я слышал от Василья Степановича Попова, который читал их перед нею также в слезах... Государыня, с такими чувствами приняв мои ответы, точно переменила обо мне свое заключение и решила освободить меня от ссылки» [Там же, 62]. Она сделала это уже после того, как сама собственноручно подписала этот указ о ссылке — случай небывалый в политической практике Екатерины.

Так искренняя чувствительность И. Лопухина, его апелляция к милосердию императрицы как матери не только отечества, но и всех подданных, спасла его от участи, постигшей других масонов-мартинистов. Достаточно сказать, что Н. Новиков был заключен в Шлиссельбургскую крепость.

Таким образом, «Записки» И Лопухина указывали дальнейший путь развития гуманистического сознания русской литературы, где уже не было масонов и воль-

терьянцев, но торжествовала, по крайней мере в идеале, «милость к падшим». В этом художественном мире Петр, веселясь, отпуская вину виноватому, а Екатерина и Пугачев миловали Петра Гринёва, видя в нем уже не «чужого», но Человека, заблудившегося в буране «русского бунта».

Абрамзон Т. Е. Суеверные представления и их осмысление в русской литературе II половины XVIII века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1998.

Билинkis М. Я. Взаимоотношения документальных жанров и беллетристики в русской литературе 60-х гг. XVIII века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1979.

Власова М. Русские суеверия: Энцикл. слов. СПб., 2000.

Державин Г. Р. Записки // Державин Г. Р. Избр. проза. М., 1984.

Екатерина II. Соч. Екатерины II. М., 1990.

Екатерина II. Собр. соч.: В 5 т. Т. 5. СПб., 1901.

Кочеткова Н. Д. Лопухин // Словарь русских писателей XVIII в. Вып. 2. СПб., 1999.

Лонгинов М. Н. Новиков и московские маринисты. СПб., 2000.

Лопухин И. В. Записки сенатора Лопухина. М., 1990а.

Лопухин И. В. Некоторые черты о внутренней церкви // Русская философия второй половины XVIII века: Хрестоматия. Свердловск, 1990б.

Лотман Ю. М. Классицизм: термин и (или) реальность // Из истории русской культуры (XVIII — начало XIX века). Т. 4. М., 1996.

Майков В. Ода, ищущим мудрости // Массонство и русская культура. М., 1996.

Пиксанов К. Н. И. В. Лопухин // Массонство в его прошлом и настоящем: В 2 т. Т. 1. М., 1914.

Погодин М. Черты старого быта // Москвитянин. 1853. № 13.

Соловьев О. Ф. Массонство: Слов.-справ. М., 2001.

Херасков М. М. Владимир: Эпическая поэма в 2 ч. М., 1809.

Хренов Н. А., Соколов К. Б. Художественная жизнь императорской России (субкультуры, картины мира, ментальность). СПб., 2001.